

достаточного для того, чтобы слушающий, обладающий достаточным интертекстуальным тезаурусом, смог декодировать смысл сообщения. Принцип экономии, реализуемый при использовании «чужого слова», становится особенно очевидным в тех случаях, когда в порождаемом тексте используется лишь фрагмент прецедентного текста, который должен (для успеха общения) активировать в памяти слушающего весь текст, способствуя пониманию смысла, передаваемого с помощью этого текста. Например, героиня романа Дж. Фаулза преобразует исходную поговорку *to kill two birds with one stone*, редуцируя ее и заменяя в ней всего одно слово, и использует ее для объяснения своего экзотического хобби – кражи вещей (*shoplifting*) в дорогих супермаркетах: *I steal everything... I never steal from small shops. Only the big stores. They ask for it. Don't look so shocked... I hate big stores. And not just capitalists. Pommy capitalists. Two birds with one steal* (J. Fowles. «The Magus»).

Все сказанное позволяет нам сделать вывод о том, что прецедентные высказывания, образующие интертекстуальный тезаурус личности, служат одним из способов вариативности, а способность творчески и в то же время экономно использовать эти средства служит одним из параметров характеристики уровня развития языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Норман, Б. Ю.* Грамматика говорящего / Б. Ю. Норман. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994. – 228 с.
2. *Гаспаров, Б. М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

Е. В. Ксендзова (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ В БЕЛОРУССКИХ ГОВОРАХ КАК РЕЗУЛЬТАТ БЕЛОРУССКО-БАЛТСКОГО ЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Диалектный язык, представляющий собой совокупность структурно-территориальных обособлений говоров в рамках национального языка, характеризуется наличием большого количества вариантов, проявляющихся на разных уровнях языковой системы (фонетическом, словообразовательном, лексическом и т. д.). Эта особенность обусловлена многими причинами – как внутренними, так и внешними по отношению к рассматриваемому языку и его диалектам. Процесс заимствования относится к внешним факторам, которые способствуют развитию вариативности в принимающем языке. Особенностью белорусско-балтского диалектного взаимодействия, которое осуществлялось на протяжении многих веков, является взаимное проникновение языковых единиц разных уровней, когда заимствованные элементы становятся неотъемлемой частью системы языка-реципиента, в том числе проявляясь и в исконных по происхождению словах.

Объектом исследования явились белорусские диалектные оценочные наименования человека с формантами *-ш-(a)*, *-з-(a)*, имеющие вариантное

употребление в говорах. Лексикографической базой для исследования послужили белорусские диалектные словари, лексикографические сборники, «Лексічны атлас беларускіх народных гаворак», диалектный тематический словарь «Чалавек», «Словарь балтизмов в славянских языках» Ю. Лаучюте, «Литовско-русский словарь» А. Либериса и др.

В белорусских говорах наименования с формантом *-ш-(а)* представлены несколькими словообразовательными типами, среди которых выделяют отглагольные, отадективные и отсубстантивные имена существительные (см. исследования П. Сцяцко, О. Урбан и др.). Мы рассмотрим один из них, включающий оценочные имена существительные общего рода *клытша* (*клыбша*), *клемша*, *кляйша* (*кляейша*) ‘хромой’, *керайша* (*керэйша*) ‘неуклюжий’, ‘коротышка’, *макша* ‘пьяница’, *рагеша* (*рэкеша*) ‘нерасторопный’, ‘неаккуратный’ и др. Определение внутренней формы большинства из этих наименований вызывает затруднения и в той или иной степени возможно только в тех случаях, когда в говорах зафиксировано соответствующее производящее слово (например: *клытша* (*клыбша*) < *клыпаць*, *клыбаць* ‘хромать’, ‘идти прихрамывая’; *клемша* < *клеміць* ‘кривить ноги’), указывающее преимущественно на отглагольный тип словообразования. Но в основном мотивирующие слова для этих наименований в лексикографических источниках отсутствуют, что препятствует установлению деривационных связей на исконно белорусской почве. Обусловлено это тем, что данные существительные по происхождению являются балтизмами и образованы по словообразовательной модели, имеющей широкое распространение в балтских языках и диалектах. В белорусских говорах эти слова отмечаются преимущественно в пределах северо-западной диалектной зоны, в других регионах фиксируются лишь единично. Для многих из таких семантически неясных лексем в современных балтских языках имеются соответствия, которые помогают объяснить их значение (*макша* – лит. *makšys* ‘человек, который наносит урон’, *майкти* ‘пить’, *майкас* ‘глоток’; *рагеша* – лит. *rekešys* ‘неуклюжий, нерасторопный человек’, *керейша* – лит. *keraišioti* ‘широко ставить ноги’). Отметим, что данная словообразовательная модель определяется и в некоторых исконно белорусских наименованиях, имеющих славянские корни: *калупша* ‘медлительный, неповоротливый’ (< *калупаць* перен. ‘медленно, неторопливо что-л. делать’), *заглыша* ‘скупой, жадный’ (< *заглытваць* ‘с жадностью поглощать’), *лятша* ‘неуклюжий’ (< *ляпаць* ‘шлепать, ляпать’, ‘делать что-либо кое-как, наспех, плохо’). Указанные существительные с формантом *-ш-(а)* также зафиксированы в основном в говорах северо-западной диалектной зоны, что дает основания высказать предположение о влиянии балтских диалектов на их формирование.

По типу образования к рассматриваемым наименованиям очень близки существительные общего рода на *-з-(а)*: *клыбза* ‘хромой’, *клымза* ‘хромой’, *рагеза*, *рагіза* ‘рассеянный, бестолковый’, ‘неуклюжий’, *лаўза* ‘бродяга’. В белорусских говорах эти лексемы часто имеют параллельные вариантные формы с чередованием *-з-//ш-* (*клыбза* и *клыбша*; *рагеза*, *рагіза* и *рагеша*). Указанные имена существительные также отмечаются преимущественно

в говорах северо-западной диалектной зоны белорусского языка и имеют соответствия в балтских языках (ср.: *кльбза* – лит. *klìbis* ‘хромой’, лат. *klibât* ‘хромать’; *клымза* – лит. *klìmza* ‘кто переваливается с ноги на ногу’, *klĩmti* ‘бродить по болоту’; *лаўза* – лит. *láužas* ‘неудачник, опущенный, ленивый человек’). Чередование согласных *s (z) // š (ž)* представляет собой характерную особенность литовских диалектов. Некоторым литовским говорам, находящимся на границе с Беларусью и Польшей, свойственно смешение этих вариантов с постепенным переходом от одних форм к другим (см. работы Ж. Маркевичене, Д. Валентюкевичене и др.).

Наряду с указанными особенностями отметим и другие черты, которые можно рассматривать в данных словах как проявление балтского языкового влияния. Это вариантное употребление форм с чередованием *[б]//[п]*, которое зафиксировано в балтских языках (ср. лит. *klỹpti, klibúoti* ‘искривляться; ковылять, хромать’, лат. *klibât* ‘хромать’). Еще одно проявление вариативности – это чередование *и//ы//э* в корне: *клипша, клыпша, клэпша*. Подобного рода чередования широко употребимы в диалектах литовского языка (ср. лит. *kliþsà* ‘хромой’ // *klĩþsta* // *klỹþti* // *kleĩþti* ‘хромать’, ‘стаптывать обувь’, ‘искривлять’; *klibti* // *klèbti* ‘расшатываться’, *klišti* // *kleĩšti* ‘ковылять’).

Н. В. Кузьменко (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ *ИДТИ / ХОДИТЬ – ЕХАТЬ / ЕЗДИТЬ*

Общеизвестно, что опыт человечества, репрезентируемый в лексических значениях слов, находит свое отражение в лексикографических дефинициях, которые являются не только источником знаний, накопленных языковым коллективом, но также призваны отражать их динамику.

В этой связи интерес представляют лексикографические толкования определенных значений базовых глаголов движения *идти / ходить* и *ехать / ездить*. Выбор материала исследования обусловлен трудностями, возникающими у изучающих русский язык при употреблении данных лексем в контексте с наименованиями разных транспортных средств: почему автобус / трамвай / электричка и т. д. *идет*, а автомобиль *едет*?

Настоящий доклад является попыткой найти возможный ответ на данный вопрос в словарных толкованиях исследуемых глаголов разных лексикографических источников и сравнить полученную информацию с корпусными данными.

Источниками дефиниций выступили: Современный словарь русского языка Д. Н. Ушакова (1935–1965), Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля (1989), Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой (1999), Словарь русского языка С. И. Ожегова (1988) и Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова (1998). Для анализа